

Людмила Улицкая

Связь времен восстанавливается

В одном из последних своих сочинений, «Путешествие в Арзерум», написанном за год до смерти, Пушкин сетует, что погибший Грибоедов не оставил своих записок: «Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...»

Прошло уже полтора века с тех пор, как написаны эти слова, а замечательные, выдающиеся люди и совсем скромные и незаметные исчезают, не оставляя по себе следов. Для того, чтобы эта печальная отечественная традиция прервалась, уже восемнадцать лет общество «Мемориал» проводит конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век». Ценность жизни каждого отдельно взятого человека — вот акцент этого конкурса.

Уже восемнадцать лет, как новое, можно сказать, новейшее поколение, не ленивое и вполне любопытное, а точнее сказать, испытывающее большой интерес к истории своей страны, к своим предкам, к тем людям, которые созидали историю, иногда вовсе об этом и не задумываясь, исследует то прошлое, которое находится рядом — в собственной семье, в родной деревне, в маленьком поселке, где привелось родиться. Работы школьников приходили из 75 регионов нашей страны —

из Красноярска и Новочеркаска, из Пензы и Воронежа, из Краснодара и Астрахани, из сотен российских деревень и поселков. За эти годы школьниками было написано более 40 000 сочинений по истории страны.

Каждый такой конкурс, кроме того, что дает ценный материал историкам, имеет и еще одну удивительную черту — он оказывается школой воспитания полноценных граждан, способных к самостоятельному суждению, к различению добра и зла, что и является основой всякого педагогического процесса. Далеко не все молодые люди, участвующие в нашем конкурсе, стали и станут профессиональными историками. Но про каждого из тех, кто прошел опыт такого исторического исследования, можно с уверенностью сказать: он стал настоящим гражданином России. Та прививка, которую они получили в раннем возрасте, прикоснувшись к живой истории, превратила их в людей, способных самостоятельно и творчески мыслить.

Будущее страны вырастает из его прошлого, как дерево вырастает из почвы. Прошлое нашей страны было трудным, требуется решимость и мужество, сочувствие и участие, чтобы понять разнообразные, порой тяжелые процессы, которые пережила страна. Наше будущее зависит от того, насколько усвоены уроки прошлого, поняты его ошибки, осмыслены пути к достижению всеобщей цели — мирного и осмысленного существования человечества.

История

XX века в нашей стране — это история забвения, искажения, вычеркивания. Однако кроме большой официальной истории, записанной, переписанной и подправляемой ежедневно, существует малая история, которую тоже можно забыть, но можно и восстановить, пока не умерли живые свидетели недавнего прошлого. Эта «микроистория» — приключения песчинки в огромной горе песка. Но каждая песчинка — отдельный человек со своей уникальной историей — несет на себе отпечаток времени.

Двадцатый раз мы издаем сборник лучших работ конкурса. Это энциклопедия российской жизни, рассказанная ее молодыми гражданами, и история эта не парадная, а повседневная. Здесь нет риторических и полных фальшивого пафоса слов о патриотизме, а есть важная работа, цель которой — восстановить историческую справедливость по отношению к тем, кто погиб в больших и малых войнах, был раскулачен и сослан, стал жертвой государственного террора.

В нашем сборнике собраны свидетельства о замечательных людях, полузабытых событиях, соединяющих нас с нашими предками, прожившими трудную, достойную, порой героическую жизнь. Но она рассказывает о тех, кто обычно остается вне поля зрения официальной истории. Это рассказы о «маленьком человеке». Был такой термин в русской литературе. В реальности этот «маленький человек» и есть подлинный герой истории.

Извечная тема «отцов и детей», постоянно воспроизводящееся непонимание и вражда поколений, приобретают совершенно новое звучание: сегодняшние молодые люди, исследуя документы и письма прошлого века, начинают осознавать, какие жестокие испытания выпали на долю их предков, — и поколенческое отчуждение сменяется глубоким уважением и восхищением. Связь времен восстанавливается, и в этом глубокий смысл замечательного проекта «Человек в истории. Россия — XX век».

Пока шла эта работа длиною в восемнадцать лет, создалась некая общность людей, неформальная, но объединенная общей идеей сохранения памяти. В эту прекрасную группу, не имеющую четких границ, входят не только школьники — авторы исторических работ, сюда входят почти сорок тысяч их научных руководителей, учителей и наставников, множество людей, дававших интервью и помогавших в сборе документов и разного рода материалов, архивных и домашних, входят в эту группу и сочувствующие, друзья и родители, а также и те, кто читал эти сочинения с намерением выделить лучшие, наградить достойнейших. И этим членам жюри

приходилось тоже нелегко: хороших работ было гораздо больше, чем мест в наградных списках. Сегодня, когда мы представляем этот сборник, мы, люди, работавшие над этим проектом, хотим поделиться с вами, читателями, драгоценными воспоминаниями ушедших людей и не менее драгоценными усилиями молодых, эти воспоминания сохранивших. Будущее нашей страны в руках этих талантливых, деятельных и нравственных молодых людей.

**ИЗ СЕМЕЙНОГО
АРХИВА**

Никита Соколов

Историков с недавнего времени стало модно попрекать тем, что они «переписывают историю». Упрек нелепый. Переписывать историю их прямая обязанность. Просто потому, что исследование прошлого — сложно устроенный диалог. У каждого нового поколения возникают к нему новые вопросы, которые не приходили в голову людям прежних формаций или же они не осмеливались их задавать.

Необходимость такого диалогического обновления знания особенно настоятельна в отношении трагической российской истории XX века. И вдвойне замечательны в нашем случае обе стороны этого диалога. Вопросы задают любознательные молодые люди, глядящие на документ взглядом наивным и ясным, не замутненным никакими посторонними соображениями. Ответы обретаются в подручном домашнем материале, часто совершенно случайном.

Казалось бы, ценность таких сугубо частных историй невелика. Но это не так. Советская эпоха породила горы пылящихся в архивах официальных реляций и мириады глазурированных начальственных мемуаров, сквозь которые, по видимости, нет никакой возможности пробиться к подлинному человеческому бытию. И вот тут-то драгоценным ключом к настоящему прошлому оказывается «связка пожелтевших писем», обнаруженная «в уголке сундука вместе со старинными женскими платьями», случайно занесенно-

го в село Харбатово Качугского района в трех сотнях верст севернее Иркутска, или тетрадка воспоминаний полуграмотного рядового телефониста Капитона Мельникова, чудом сохранившаяся в краеведческом музее средней школы № 1 хутора Керчик-Савров под Ростовом.

Частный документ, локальный сюжет, как лучик карманного фонарика, выхватывает из небытия малую частицу прошлой жизни. Много неожиданного оказывается в этом фрагменте, слишком плохо он сопрягается со стандартным образом прошлого, который несет школьный учебник и масскульт. Вот письма из Иркутска начала XX века, по преимуществу бытовые детали повседневности, но только оказывается, что пишет их дочь строптивного священника, лишившегося прихода за вольнодумство, сестре, проходящей обучение в Швейцарии, Франции и Англии. А завершается это бытописание картиной февральской революции, когда «из простого черного люда, из солдат, из извозчиков выдвинулись вдруг недюжинные силы», «в человеке вдруг проснулось его человеческое достоинство и божеские его силы, ум и совесть». Вот всесловная армия того же времени с ее специфическими полукрестьянскими обычаями и моралью, но только упражняет она эту мораль во время напрочь забытой широкой публикой российской интервенции в Персию в 1913 году, и оказывается, что уже тогда «курды держались упорно».

Впрочем, преимущественно задевают внимание молодого наблюдателя не подробности материального быта, а высвечивающаяся через них антропология человека, жившего в другую эпоху, почти совершенно ни в чем не сходного с нынешним. И понимание этой инаковости — полезнейшая тренировка чувства историзма, ныне сознательно искореняемого под ложным, но удобным политическим прохиндеем лозунгом «Всегда все были одинаковые подлецы». Именно развитие историзма на протяжении последних трех столетий воспитывало в людях европейской культуры способность к постижению «другого», сначала человека прошлых времен, а потом и инаких современников. Читатель этого раздела найдет в нем для такого упражнения чрезвычайно полезный материал.

«Я... буду беспристрастной повествовательницей событий»

(Опыт исторической реконструкции
на основе писем иркутянки Л. Е. Литвинцевой)

Ирина Грибович

Елена Жукова

Анастасия Магзоева

пгт Качуг, Иркутская область

Долгие десятилетия эта связка пожелтевших писем лежала в уголке сундука вместе со старинными женскими платьями и обувью. Даже хозяйки сундука — две сестры-старушки, доживающие свой век в квартире на втором этаже двухэтажного особнячка в центре Иркутска, — были младше этих писем. Им часто помогали молодые соседки Светлана и Надежда, которые снимали комнатку рядом. Когда одна из сестер умерла, другая передала девушкам сундук со словами: «Это нам досталось от родственников. Сохраните, ведь больше у нас никого нет...» Это было в начале 90-х. Фамилии старушек не сохранились ни в памяти девушек, ни в документах паспортного стола. Светлана Татарникова и Надежда Молчанова в 1993 году закончили институт, вышли замуж, разъехались. Сундук пришлось оставить, а письма они решили передать своей учительнице литературы, Ларисе Владимировне Чемякиной, живущей на родине девушек — в селе Харбатово Качугского района, 300 км севернее Иркутска. До 2009 года письма хранились у нее.

И вот мы, четыре восьмиклассницы (члены школьного научного общества) и наша учительница, сидим в кабинете литературы друг против друга, между нами — пожелтевшие от времени листы, исписанные черными чернилами. «Девочки, я предлагаю вам прочитать вот эти письма, — гово-

рит наша учительница. — Скорее всего, это будет сложно: почерк не очень разборчивый, орфография и графика до-революционные. Никем они до сих пор не прочитаны и не изучены. Кто кому писал — неизвестно. Ясно только, что автор — какая-то девушка или женщина, жившая в Иркутске в начале XX века, — писала за границу “Гуте”, видимо, подруге. Работа для вашего возраста довольно трудная. Возьметесь?» Понятно, что мы были страшно заинтригованы и, конечно, за работу взялись. От письма к письму перед нами разворачивалась история Иркутска начала XX века и иркутской семьи.

Кто же автор?

Сначала помогли сами письма. На открытках был указан адресат: Miss Augusta Litvinseff. Мы поняли, что переписывались сестры, — таким образом, была установлена их фамилия. Среди писем был найден обрывок старой книги, на котором можно было различить надпись тем же почерком: «Из книг Ларисы Литвинцевой». В одном из писем автор сетует по поводу долгого молчания сестры: «Ну, Августа Евгеньевна, задала ты нам жару!» Так «сложилось» имя — Лариса Евгеньевна Литвинцева! Упомянуто место проживания: «Мы, жильцы 2 Солдатской...» Также много пишется про школу, про учеников, что привело нас к выводу, что обе сестры раньше работали в школе.

Письма охватывают период с 1903-го по 1911 год и адресованы младшей сестре Августе, получающей образование за границей (на письмах указаны адреса: Швейцария, Англия, Франция). Письма отправлялись из Иркутска, а также из Баранчиков (ныне порт Байкал, конечная точка Кругобайкальской железной дороги) и Усолья (ныне г. Усолье-Сибирское Иркутской области), куда Лариса уезжала на летний отдых. Кроме того, Лариса гостила (видимо, не раз) в деревне Картухай Качугского района (в 300 км от Иркутска, на реке Лене). Благодаря тому, что каждое письмо автором пронумеровано, можно было определить, что писем было отправлено более 1500 (до нас дошло 115), то есть сестры писали друг другу через каждые 3-4 дня (по харак-

теру писем чувствуется, что сестра Гута активно отвечала). Из этих писем сохранилось 24 многостраничных письма, остальные — на открытках. Часть открыток 1909—1911 годов деформирована: кем-то оторваны или стерты части текста. Ни одной фотографии, к сожалению, вместе с письмами найдено не было, хотя указывается, что они существовали. Заинтересовавшая нас семья Литвинцевых ни разу не попала в объектив историко-краеведческих исследований иркутских ученых, тем не менее эта фамилия оставила свой след в периодических изданиях и архивных документах того времени. Всего нами было просмотрено и изучено около 500 единиц печатных и рукописных источников: адресные книжки, «Епархиальные ведомости», «Клировые ведомости», «Дела Духовной консистории», метрические книги и т. д.

Мы установили возраст автора, охватывающий период переписки: 30—40 лет. Год рождения: 1869. Собственной семьи Лариса Литвинцева не имела.

На долю автора выпали немалые испытания: ранняя смерть отца, судебная тяжба с двумя родными сестрами из-за наследства, длительное расставание с любимой младшей сестрой, смерть матери, материальные трудности. Все это подорвало здоровье Ларисы, но не сломило ее дух. Вначале она жила вдвоем с мамой Лидией Васильевной по улице Второй Солдатской (ныне улица Лапина). Литвинцевы владели несколькими зданиями в одном дворе, сдавая их жильцам (сейчас на этом месте расположено Монгольское консульство).

После внимательного изучения периодической печати и архивных документов мы установили, что отец Ларисы был священником Никольской церкви в селе Листвиничном на Байкале. В Листвянке отец Евгений прослужил 20 лет, был любим и уважаем своей паствой и начальством, получил благодарность Священного синода и фиолетовую скуфью. Но в 1881 году он неожиданно подвергается опале со стороны священноначалия и светских властей: в Духовную консисторию поступает жалоба на батюшку от начальника таможи с. Листвиничное, где отца Евгения упрекают в том, что он сотрудничает с народнической газетой «Си-